

В. А. Прищепова

МУЗЕЙНЫЕ ФОТОГРАФИИ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Поступление коллекций по системе традиционных верований в Музей антропологии и этнографии РАН (МАЭ) не носило систематического характера. В вещевых собраниях конца XIX — первой половины XX в. хранится незначительное количество предметов, связанных с культом святых и местами паломничества в Центральной Азии. Так, в разные годы в музей передали рога животных, волосы, ветки с жертвенными лоскутами, которые паломники оставляли на *мазарах*, из районов проживания киргизов, оседлого населения, узбеков, таджиков и памирских народов¹.

Гораздо больше ценных сведений о поклонении святым, паломничестве к местам, связанным с их именами, в центральноазиатском исламе содержат фотографические коллекции. К отдельным объектам поклонения, которые нашли отражение в музейных собраниях, относятся изображения *мазаров*, многие из которых пользовались широкой популярностью и привлекали богомольцев.

В фотоколлекции вошли изображения почитавшихся мест естественного происхождения: гор, пещер, деревьев. В них имеются снимки мемориальных комплексов Бухары, Самарканда, Хивы, Оша и других городов. Изображения всемирно известных культовых архитектурных сооружений Самарканда, особенно комплекса Шахи Зинде, встречаются на многих фотокадрах конца XIX — начала XX в. Начало масштабного и целенаправленного исследования этого памятника зодчества, его охраны, фиксации, в том числе фотофиксации, и научного описания связано с одной из фотоколлекций МАЭ.

В 1912 г. художник, коллекционер, основоположник этнографического фотографирования С. М. Дудин передал музею большую коллекцию негативов декоративных и архитектурных деталей мавзолеев и мечетей Шахи Зинде². Они были сделаны

во время командировки художника в Самарканд летом 1905 г. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии³. Вместо описи к коллекции негативов был приложен печатный «Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шахи-Зинда», в который были внесены названия 181 фотографии.

Экспедицию 1895 г. для сбора материалов по описанию древних самаркандских мечетей возглавлял востоковед профессор Н. И. Веселовский. В ней кроме художника С. М. Дудина участвовали художники-архитекторы Н. Н. Щербина-Крамаренко, П. П. Покрышкин, А. В. Щусев и фотограф Археологической комиссии И. Ф. Чистяков, которые должны были составлять описания и фотографировать архитектурные памятники Самарканда. Работы финансировала Археологическая комиссия. Рисунки и чертежи, относящиеся к Гур-эмиру, делали П. П. Покрышкин и А. В. Щусев, Биби-ханым — Н. Н. Щербина-Крамаренко и П. П. Покрышкин, а по комплексу Шахи Зинде производились разными художниками. Фотографии были выполнены С. М. Дудиным и И. Ф. Чистяковым.

Одним из аспектов деятельности экспедиции Н. И. Веселовского были изучение, научная фиксация, охрана и создание научного проекта реставрации историко-архитектурных сооружений Самарканда. Первыми объектами изучения стали Гур-эмир и Биби-ханым. Работа предстояла очень большая и была рассчитана на несколько лет.

Перед С. М. Дудиным как художником-фотографом стояла задача научной фиксации сохранившихся от разрушений местных архитектурных памятников и их убранства: «Из местных “охранителей древности” никто не дал себе труд собрать те мозаики, какие имелись на барабане (площадь их по приблизительному расчету должна была равняться нескольким десяткам квадратных аршин!)»⁴. Фотографированию подлежали все архитектурные детали. О трудоемкой и кропотливой работе в условиях жаркого летнего Самарканда свидетельствуют строки письма С. М. Дудина В. В. Радлову: «Перед съемкой я промываю те площади, которые плохо могут выйти из-за пыли и грязи, накопившейся на изразцах и мозаиках. Делаю я это всюду, куда только хватает моей лестницы»⁵.

С. М. Дудин с помощью двух студентов Академии художеств делал общие и детальные снимки архитектурных сооружений. Большие деревянные двери, украшенные тонкой резьбой, мечети Гур-эмир, уже поврежденные, в целях сохранения от окончательной гибели перевезли в Петербург. В настоящее время они хранятся в Эрмитаже.

В 1905–1907 гг. по поручению Русского Комитета по изучению Восточной и Средней Азии С. М. Дудин совершил еще две поездки в Самарканд. Наиболее плодотворным было лето 1905 г., когда С. М. Дудин производил раскопки в мавзолеях Шахи Зинде. Он собирал коллекцию по древней керамике для МАЭ и Этнографического отдела Русского музея и одновременно выполнял фотоснимки со старых архитектурных памятников. «Фотографирование мечетей идет полным ходом. Самая важная, Мирза-Улугбек, окончена. На нее ушло 170 снимков <...> После Ширдара и Тиля Кари я примусь за другие загородные мечети <...> После фотографирования с моим товарищем примусь за акварели <...> я успею выполнить все, что мною обещано Комитету»⁶.

Об одной живописной работе С. М. Дудина тех лет осталось свидетельство корреспондента газеты «Русский Туркестан»: «Показывая нам свои этюды, С. М. Дудин обратил наше внимание на один из них, изображающий портик Шах-Зинда, с его свежими, чудными, будто сейчас сделанными майоликами»⁷. В настоящее время в Научно-исследовательском музее Академии художеств хранится другой этюд С. М. Дудина, выполненный маслом, — «Шах-Зинде. Группа мавзолеев»⁸.

В 1906 г. в Академии наук была организована выставка фотографий С. М. Дудина. Она вызвала большой общественный и научный интерес, о чем свидетельствуют отклики в печати и запросы библиотек на каталог выставки. Коллекция негативов С. М. Дудина, как было отмечено в отчете музея, заняла место «среди наиболее ценных собраний отдела изображений МАЭ»⁹. В. В. Бартольд писал: «Издание альбома требовало больших средств, которыми комиссия не располагала; до сих пор появился только один выпуск, вышедший в свет еще в 1905 г. и посвященный только одному зданию Гур-эмир, и это здание в нем далеко не исчерпано»¹⁰.

Выставка фотоснимков 1906 г. в Академии наук возобновила обсуждение непростого вопроса об охране и проектах реставрации самаркандских памятников. С. М. Дудин предлагал собрать и вывезти в Петербург декоративные украшения, отпавшие со стен зданий, и те, которым угрожала та же участь. Наблюдая на протяжении ряда лет разрушение и расхищение выдающихся памятников старины, особенно последствия землетрясений 1897 и 1907 гг., С. М. Дудин писал В. В. Радлову о том, что их состояние с каждым годом ухудшается: «Нужно же решить, что делать, а не ждать у моря погоды. Ведь поступая таким образом, можно кончить тем, что Археологическая комиссия сможет издать только Тамерлановский мавзолей и Шах-Зинде. А от остального у нас останутся только груды мусора»¹¹.

С. М. Дудин встретил много противников своей точки зрения, но в течение длительного времени отстаивал ее. Его единомышленником в решении этой проблемы был В. В. Радлов, с которым С. М. Дудин делился планами реставрации, реконструкции самаркандских памятников. Художник горячо боролся за их сохранение, но несколько преувеличивал значение фотографической регистрации в деле изучения и охраны памятников архитектуры.

Летом 1908 г. Археологическая комиссия выдала открытый лист «вследствие личного ходатайства академика В. В. Радлова <...> на право составления художником С. М. Дудиным коллекции изразцов <...> под непременно условием представления таковых полностью в Русский Комитет <...> и в Русский музей»¹².

Подобные действия встретили решительное сопротивление со стороны местной администрации и научной общественности Русского Туркестана. Они стремились создать свой музей, хранить и изучать на месте научный материал¹³. Об этом С. М. Дудин срочно телеграфировал в Петербург: «Собрание мозаик не разрешают»¹⁴. В письме он объяснил ситуацию подробнее: «При встрече с Вяткиным (известным археологом. — В. П.) я узнал, что местный комитет по охране памятников с губернатором во главе не разрешают увезти в Петербург обвалившиеся во время землетрясения изразцы и мозаики ни с одной из мечетей»¹⁵. «Настаивая на мысли собрания мозаик и изразцов <...> я имел в виду сосре-

доточить здесь весь декоративный материал старинных сооружений Туркестана»¹⁶. Такая позиция С. М. Дудина была ошибочной, он недооценивал возможности и заинтересованность местной администрации и краеведов. Однако его заслуга состояла в том, что он поднял вопрос о сохранении исторических памятников архитектуры.

Работа экспедиции Н. И. Веселовского и его коллег была справедливо оценена научной общественностью как новаторская в деле систематического изучения историко-архитектурных памятников Самарканда.

В наши дни Шахи Зинде продолжает привлекать внимание исследователей не только как архитектурное сооружение, его изучают и как культовое место. Например, на основе народных поверий и преданий о сакрализации водных источников при культовых зданиях Центральной Азии удалось прояснить вопрос о происхождении названия ансамбля¹⁷.

В 1932 г. в МАЭ поступила обширная (более 200 единиц) коллекция негативов по таджикам, собранная восточной группой отряда Таджикско-Памирской комплексной экспедицией, организованной Институтом по изучению народов СССР (ИПИИ, был организован в 1929 г. взамен КИПС — Комиссии по изучению племенного состава при АН СССР, возникшей в 1917 г. и имевшей задачей составление этнографических карт страны с объяснительными записками. На базе ИПИИ и МАЭ в 1933 г. в Ленинграде был создан Институт антропологии и этнографии АН СССР)¹⁸.

Руководителем экспедиции был выдающийся этнограф, исследователь кочевых народов С. М. Абрамзон. Задачей экспедиции было всестороннее изучение отдельных окраин Гармской области: Каратегина, Вахио, Дарваза. В ее составе работали два отряда. Южная группа (руководитель отряда Д. С. Комиссарова, иранист А. Н. Кондауров, Х. Межеричкая, А. К. Смирнов и Гулямжанов (инициалы неизвестны) работала среди таджиков, узбеков, туркмен и казахов в южных районах Таджикистана. Этот отряд занимался изучением родовых отношений и современного быта женщин, а также историей басмачества.

Начальником восточного отряда был С. М. Абрамзон. Кроме него в отряд входили этнограф Е. В. Крючков, филолог-иранист А. З. Розенфельд и антрополог В. В. Гинзбург. В течение четырех месяцев они собирали материалы по антропологии, социально-экономическим отношениям в Восточной Бухаре (восточные районы Таджикистана). Сотрудники отряда интересовали сведения по национально-культурному строительству и истории басмачества. Они изучали деятельность мелких кустарных промыслов, труд и современный быт женщин, знакомились с гигиенической стороной жизни таджикского населения. В процессе работы участники экспедиции сделали несколько сот фотографий, фонографические записи песен таджиков, язгулемцев, туркмен, узбеков, афганцев и киргизов.

В состав одной из коллекций негативов, выполненных экспедицией, вошла серия кадров, связанных с культом святого Бурха: «Дорога к гробнице Хазрати-Бурха», «Гробница Хазрати-Бурха», «Общий вид кишлака Шейхо, где находится гробница Хазрати-Бурха», «Общий вид гробницы Хазрет-и-Бурха», «Группа шейхов, работающих на содержании гробницы Хазрати-Бурха»¹⁹. К сожалению, отсутствие отпечатков с негативов не позволяет в полной мере охарактеризовать содержание снимков. В составе фотофонда МАЭ хранится снимок более раннего времени этого же *мазара*. Фотоколлекция Н. С. Воронец поступила в музей в 1946 г., однако ее происхождение можно отнести к концу XIX — началу XX в.²⁰

Для Таджикско-Памирской комплексной экспедиции было характерно прежде всего обращение к современности. Несмотря на это, ее участники довольно внимательно отнеслись к изучению культовых объектов, в том числе *мазара* Бурха (рис. 1).

Музейные фотоснимки дают характеристику лишь внешнего вида гробницы. Для того чтобы полнее представить, что изображено на кадрах коллекции, необходимо обратиться к литературным источникам 1920–1930-х годов, которых оказалось немного. В историографии советского периода не было принято уделять достаточно внимания изучению и описанию культовых мест (рис. 2).

Рис. 1. Дорога к гробнице Хазрати-Бурха.
МАЭ РАН. Колл. № И-58-199

Тегерджен джамеа, гробница
Хазратин Бурха, кини. Мейх.

Рис. 2. Гробница Хазрати-Бурха.
МАЭ РАН. Колл. № И-58-200

В 1930 г. Н. А. Кисляков, студент-иранист третьего курса ЛГУ, впоследствии крупный этнограф-иранист, отправился на практику в Таджикистан, где задержался на несколько лет. В 1930–1933 гг. он работал инструктором народного образования в Гармской области. Н. А. Кисляков изучал хозяйственную жизнь, социальную историю и историю духовной культуры таджиков. Многие из его наблюдений были опубликованы в последующие годы. После посещения Н. А. Кисляковым в начале 1930-х годов гробницы Хазрати Имам, о которой ему, вероятно, местные старики рассказывали множество легенд, в 1934 г. он опубликовал статью «Бурх — горный козел»²¹.

Гробница Хазрати Бурха находится далеко в горах Южного Таджикистана, в верховьях реки Оби-Хингоу. История многих святых мест Средней Азии начиналась задолго до исламского завоевания. Это относится и к культу Бурха, который пользовался широкой популярностью среди верующих.

В прошлом одним из основных занятий горного населения была охота (земледелие и скотоводство не могли их прокормить). Охотничье искусство требовало большого профессионализма, почиталось и передавалось из поколения в поколение. Объектом традиционной охоты был горный козел — *бурх*. Существовало много легенд, рассказов, поверий и обычаев, связанных с этим животным. Горный козел почитался, его считали священным²². Рога горного козла клали на *мазары*, вешали на стены мечетей, домов, прибивали на столбы на террасах домов. Считалось, что они приносят благополучие. Существовал культ козла, следы которого описал Н. А. Кисляков. Исследователь предположил, что культ Бурха возник еще среди первобытных охотников. Существует иная точка зрения относительно эпонима культового места, высказанная Р. Р. Рахимовым в двух публикациях на основании изучения разного рода источников и посещения *мазара*²³ (рис. 3).

Считается, что полное имя святого — Хазрати Бурхи Сармасти Вали. По мифу, задолго до исламизации края он пришел с острова Цейлон в Афганистан, а потом ушел в горы. В памятных местах, где он жил, появились *мазары*. Однажды Бурх увидел сон, соглас-

но которому должен был отправиться в чужие края для укрепления веры. Бурх посетил многие места, был в арабских странах, Индии, Египте, затем оказался в верховьях Оби-Хингоу. Согласно преданиям, Бурх научил народ ткать ковры, ему приписывали совершение множества добрых дел.

По рассказам местного населения, *мазар* Хазрати Бурх в Вахио-Боло создавался на протяжении многих веков. Народная память сохранила имя одного из его мастеров-строителей — *усто* ‘Азиз²⁴. На музейных фотографиях запечатлен общий вид гробницы Хазрати Бурха в виде небольшого купола и груды сакральных камней (рис. 4).

На снимках 1932 г. можно увидеть кишлак у *мазара* Хазрати Бурха, который назывался Шейхо, и *шейхов*, проживавших в нем. Главным занятием жителей кишлака был прием паломников. Автор статьи о *мазаре*, Н. Кисляков, в начале 1930-х годов работал в системе народного образования (инструктором и заведующим окружным и районным отделами), был одним из организаторов просвещения в Каратегине, а также участником борьбы против басмачества. По делам службы ему приходилось разъезжать по разным районам Южного Таджикистана. В своей статье он сообщал, что в годы советской власти *шейхи* кишлака Шейхо стали жить новой жизнью и образовали «колхоз *шейхов*»²⁵. В сталинские времена последний *шейх* был арестован, и о его дальнейшей судьбе ничего неизвестно. На одном из снимков портрет *шейха* — «Ходжи Каляндар и хранитель ключей от гробницы Хазрети-Бурха среди старателей». Имя последнего *шейха* Каландара упоминает В. А. Сазонов, сообщая, что он «попал под сталинскую тройку и его забрали»²⁶. В конце 1930-х годов население кишлака Шейхо переселили в другие места. В 1950-е годы на равнину, в хлопковую Курган-Тюбинскую область переселили всех жителей горных кишлаков долины реки Оби-Хингоу. По сведениям Р. Р. Рахимова, в 2007 и 2008 гг. посетившего *мазар* Бурха и опубликовавшего собственные фотографии нынешнего облика мемориально-культового сооружения и два обстоятельных исследования, посвященных *мазару* и мифологии Бурха, сегодня кишлака не существует²⁷ (рис. 5).

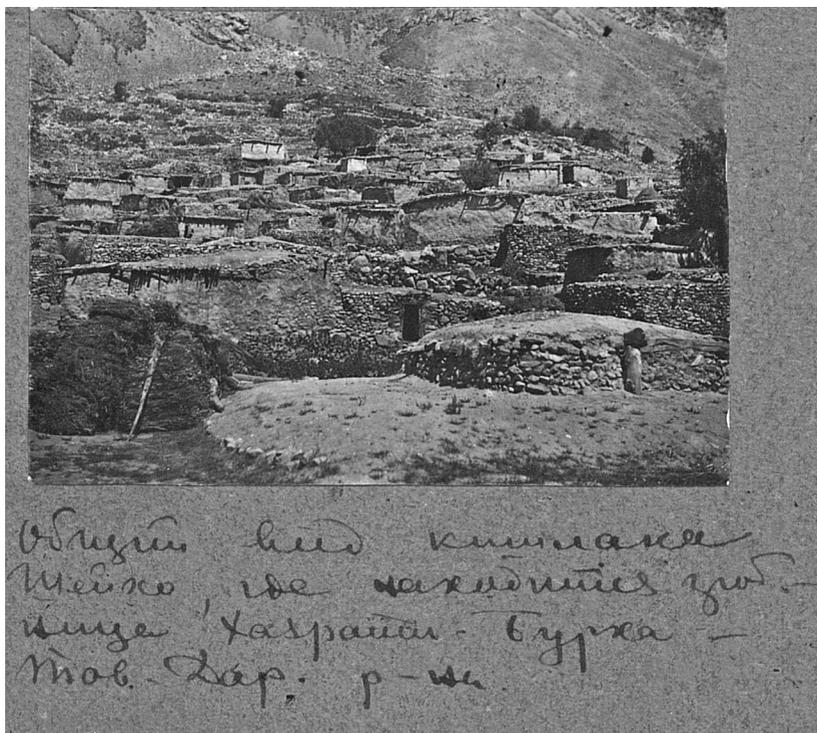
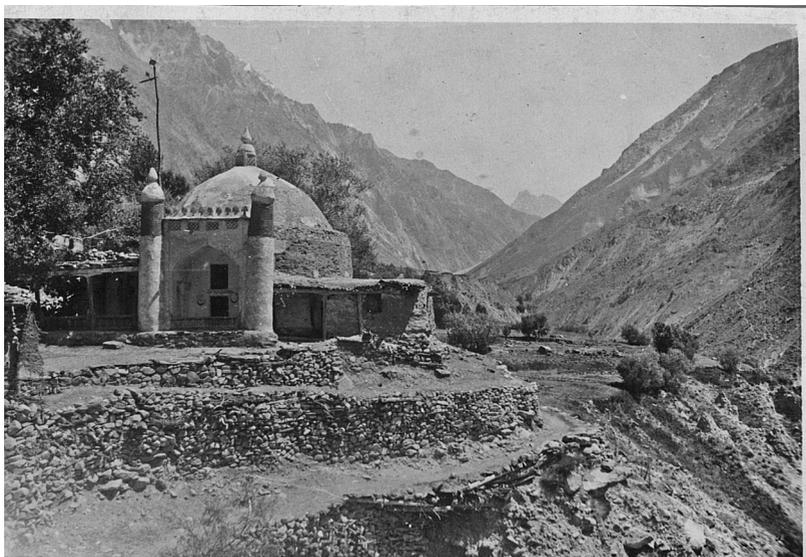

Рис. 3. Общий вид кишлака Шейхо, где находится гробница Хазрати-Бурха. МАЭ РАН. Колл. № И-58-201

Общий вид гробницы Хазрати Бурха

Рис. 4. Общий вид гробницы Хазрет-и-Бурха.
МАЭ РАН. Колл. № И-58-204

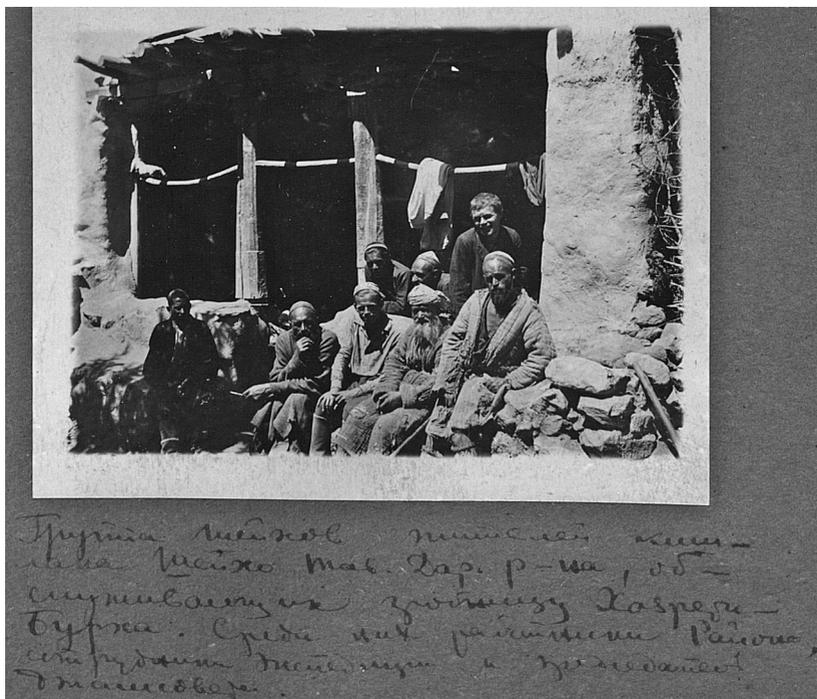

Рис. 5. Группа шейхов, работающих на содержании гробницы Хазрати-Бурха. МАЭ РАН. Колл. № И-58-206

Долгие десятилетия *мазар* сохранялся благодаря стараниям нескольких старожилков, оставшихся на прежних местах проживания. В 1949 г. произошло страшное землетрясение в районе крупных каратегинских кишлаков Хаит и Хисорак. В результате многие населенные пункты были разрушены, погибло огромное количество людей. Пострадали и постройки *мазара* Хазрати Бурха. Во время землетрясения 1983 г. в долине реки Оби-Хингоу обвалился купол и повредился минарет *мазара*²⁸.

В настоящее время паломники продолжают посещать высокогорный *мазар* Хазрати Бурха, доступный в теплое время года, с мая по октябрь. Этот объект религиозного почитания вызывает у современных исследователей интерес в связи с особенностями мифологии культа, фольклорными сюжетами, связанными с сакральными объектами мемориального комплекса природного происхождения: пещерой, деревом, родником и глиной-красноземом, — как «пример интегрирования особенностей языческих религиозных практик в живую ткань культа святых в центральноазиатском (среднеазиатском) региональном исламе»²⁹.

Иллюстративный фонд МАЭ располагает значительным количеством фотографий второй половины XIX — XX в., на которых запечатлены памятники культовой архитектуры Бухары. Для мусульман Бухара была своего рода Меккой. Здесь много почитаемых мест, которые привлекали паломников. Бухарцы считали, что «если повсюду свет шел сверху, с высоты небес, то в Бухаре он исходил снизу, из почвы самого города»³⁰. Это говорит об обилии святых объектов в городе. «Святость города» увеличивало необыкновенно большое количество кладбищ и отдельных могил во дворах. По наблюдениям П. Пославского, фамильная усыпальница почтенного рода всегда находилась во дворе собственного дома³¹. Случаи, когда человек завещал похоронить себя в своем доме, отмечала также О. А. Сухарева³².

В качестве примера укажем гробницу особо почитавшегося святого, покровителя Бухары *шейха* Баха' ад-Дина. Его гробница находилась в окрестностях столицы ханства. На фотографии второй половины 1880-х годов снят старинный кишлак Баха' ад-Дин,

как называли гробницу *шейха* и окружавшие ее постройки³³. На снимке можно увидеть, что по внешнему виду кишлак Баха' ад-Дин почти ничем не отличался от других селений. Его жилища, мечеть, дома для паломников утопали в зелени деревьев. Вдоль улиц кишлака тянулись постройки для нищих, в которых проживали до нескольких сот человек. Обитатели кишлака жили и питались бесплатно. Пищу в приюте для странствующих дервишей готовили ежедневно в четырех огромных котлах. Улица нищих вела к воротам исторического кладбища, где покоились потомки Баха' ад-Дина, некоторые из выдающихся личностей и общественных деятелей разных эпох существования Бухары³⁴ (рис. 6).

Рис. 6. Бухара. Кишлак Бугоздин.
МАЭ РАН. Колл. № 255-173

Недалеко от гробницы Баха' ад-Дина находился святой ключ с очень чистой и вкусной водой. К могиле Баха' ад-Дина ежегодно стекались сотни тысяч паломников, профессиональных нищих, дервишей. Они совершали ритуальное хождение вокруг могилы, читали молитвы, прося помощи *тира*. Бухарские эмиры перед вступлением на престол совершали паломничество в кишлак и делали значительные пожертвования.

Кишлак представлял собой «нечто вроде независимого городка, у ворот которого оканчивается сфера влияния светской власти, где духовенство является полномочным распорядителем»³⁵. Это был своеобразный «мусульманский монастырь», *текие*.

Одним из первых отечественных востоковедов жизнь Баха' ад-Дина детально изучал по персидской рукописи А. А. Семенов³⁶. Накшбанд Баха' ад-Дин Мухаммад ал-Бухари (1318–1389) широко известен как крупнейший представитель среднеазиатского суфизма времен Тимура. От его прозвища (*накшбанд* — чеканщик) произошло название братства накшбандийя. Последователями братства стали многие выдающиеся деятели, в том числе известный поэт 'Алишер Навои.

Баха' ад-Дин родился в семье ремесленника-ткача и чеканщика. Основную роль в его судьбе сыграл дед, имевший связи с суфиями и пробудивший во внуке интерес к мистике. Почти всю жизнь Баха' ад-Дин прожил в Бухаре и окрестных селениях. Он был проповедником и жил в добровольной бедности. Культ Баха' ад-Дина получил широкое распространение в Средней Азии и во многих странах мусульманского Востока. Его учение стало основополагающим для одного из наиболее распространенных, влиятельных и могущественных дервишеских братств в мусульманском мире³⁷. Баха' ад-Дина похоронили в родном селении Касри 'Арифон. Над его могилой возвели мавзолей. Здесь же находятся бассейн и родник священной воды.

Братство накшбандийя не имело единого общего центра. Погребальный комплекс Баха' ад-Дина, покровителя ордена, был местом поклонения всех членов братства. Традиционно братство отрицало аскетизм, большинство его последователей были женаты. По преданию, Баха' ад-Дин оставил после себя многочислен-

ное потомство, которое обосновалось в окрестностях его *мазара*. Со временем обитатели кишлака Баха' ад-Дина, которые происходили по мужской линии от Баха' ад-Дина, были освобождены от повинностей и пользовались большим уважением среди народа. По словам А. А. Семенова, здесь же жил руководитель общины братства главный шейх *рас ал-машайих*, считавшийся потомком Баха' ад-Дина. Изучая историю ордена в начале XX в., А. А. Семенов писал: «Среди современных накшбендиев Средней Азии можно встретить людей, принадлежащих к самым разнообразным профессиям и классам общества, которые в повседневной жизни приносят дань всем ее разнообразным проявлениям. И лишь случайно из разговора или присутствия на *зикрах* узнаешь их принадлежность к названному ордену»³⁸.

Кроме старинной фотографии 1880-х годов кишлака Баха' ад-Дина в собраниях МАЭ хранится снимок более позднего времени (предположительно начала XX в.) «Вход в мавзолей с. Бехуаддина»³⁹.

Личность Баха' ад-Дина и памятные места, связанные с его пребыванием, продолжают привлекать внимание исследователей⁴⁰. Если судить по опубликованным фотокадрам 2007 г.⁴¹, в настоящее время архитектурный облик *мазара* Баха' ад-Дина изменился, комплекс отреставрирован и благоустроен, поток паломников к месту поклонения возрастает. Исторические фотографии из музейных коллекций сохранили изображение первоначального вида кишлака и позволяют сравнить их с современным обликом этого места⁴².

Другим популярным почитавшимся святым местом в Средней Азии была Сулейман-тау (гора Сулеймана), или Тахти Сулейман (престол Сулеймана, то есть библейского царя Соломона), расположенная в центре древнего города Ош в южной Киргизии и являющаяся его главной достопримечательностью. Еще в X в. сюда стекались паломники со всей Азии. С незапамятных времен считалось, что здесь пророк Сулейман обращался к Богу, а на камнях остались отпечатки его лба и колен. Снимки г. Оша с Сулеймановой горы и самой горы, запечатленной с разных сторон, передал в МАЭ в 1928 г. академик К. К. Юдахин, выдающийся со-

ветский лингвист-тюрколог, кыргызовед, составитель узбекского и уйгурского словарей, один из авторов национальных алфавитов для народов СССР⁴³ (рис. 7).

На Сулеймановой горе в Оше находился *мазар*. Паломники приходили сюда лечиться от разных недугов. Музейные фотокадры являются одним из ранних визуальных документальных свидетельств внешнего вида *мазара* 1920-х годов и религиозной практики верующих. К. К. Юдахин сфотографировал общий вид Сулейман-тау, а также панораму старой части г. Оша, которая открывалась с горы (рис. 8–9).

Рис. 7. Вид на Сулейманову гору. МАЭ РАН. Колл. № 3647-7

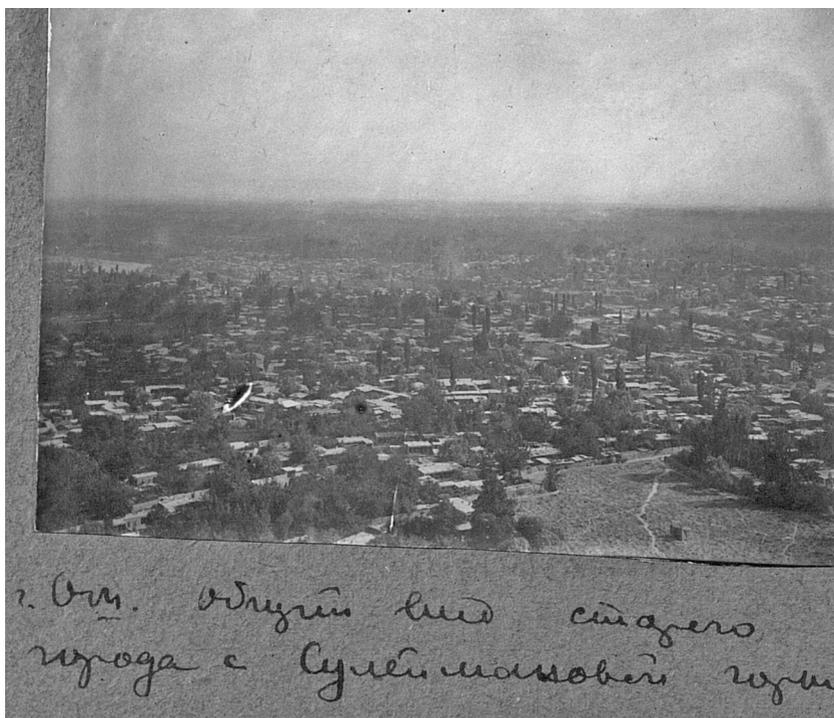

Рис. 8. Общий вид старого города Ош с Сулеймановой горы.
МАЭ РАН. Колл. № 3647-1

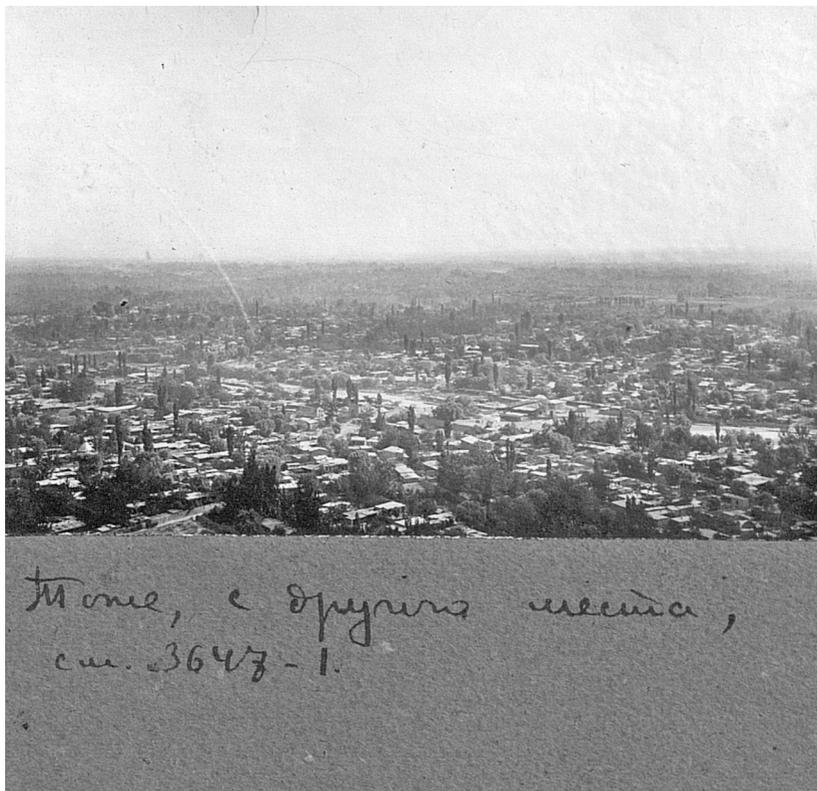

Рис. 9. Вид старого города Ош.
МАЭ РАН. Колл. № 3647-2

Собиратель коллекции зафиксировал знаменитый «поясничный камень» (рис. 10). На одном из снимков киргиз вместе с ребенком сползает с так называемого «скользкого (или поясничного) камня», что должно было избавить верующего от болей в пояснице и других заболеваний. Слава исцеляющей силы камней и самой Сулеймановой горы притягивала верующих издалека. К. К. Юдахину удалось запечатлеть момент, когда эти святые места посещают паломницы из Кашгара (рис. 11). На одном фотокадре женщины по очереди всовывают голову в небольшие круглые отверстия в скале, что должно было вылечить их от головной боли, на другом — прикладываются к камню (рис. 12). Согласно народным представлениям, прикладывание к целебному камню помогало от бесплодия. Востоковед, иранист Г. Г. Гульбин, регистратор фотоколлекции К. К. Юдахина, знаток жизни и обычаев народов Средней Азии, прокомментировал этот снимок. По его сведениям, данный камень был объявлен *шейхами* целебным лишь в последнее время (имеется в виду конец 1920-х годов), а настоящий находился в другой части старого города.

В настоящее время Сулейманова гора в Оше продолжает привлекать множество паломников, о чем свидетельствуют исследования современных ученых. Истории формирования культа Трона Соломона посвящена специальная работа⁴⁴.

На фотографиях коллекции дипломата Я. Я. Лючше сохранились изображения могилы Хазрет Айуба (Иова), серных ключей, купальни для мусульман, устроенной над источником, и селения Саль-мазар, выполненные в городе Джалал-Абад Ферганской области⁴⁵ (рис. 13–14). В настоящее время в окрестностях Джалал-Абада находятся знаменитые целебные источники и грязи, которые издавна использовались для лечения множества недугов. Источники считались священными, к ним ежегодно стекалось множество паломников. По преданию, здесь находился источник Чашма-Айуб (источник Иова), который посещал пророк Айуб. Во многих местах Центральной Азии сохранились места, считавшиеся местом жизни и деяний святого Айуба, покровителя пресных колодцев и родников с целебной водой (рис. 15–17).

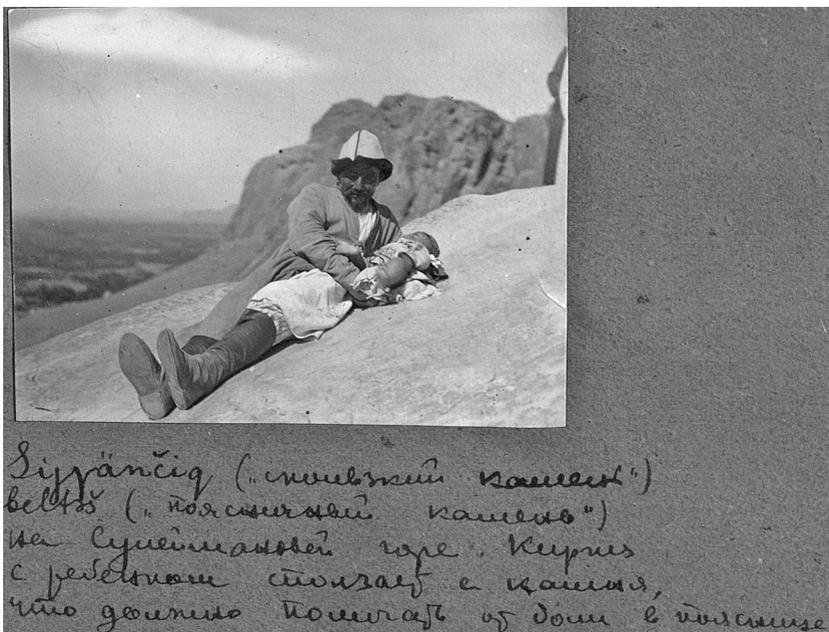

Рис. 10. На Сулеймановой горе: «поясничной камень».
МАЭ РАН. Колл. № 3647-15

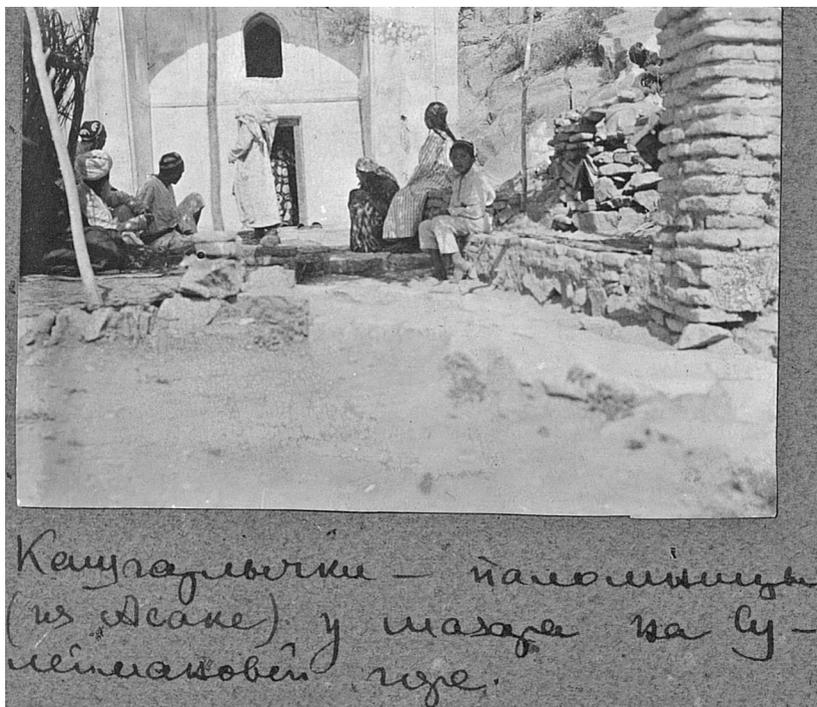
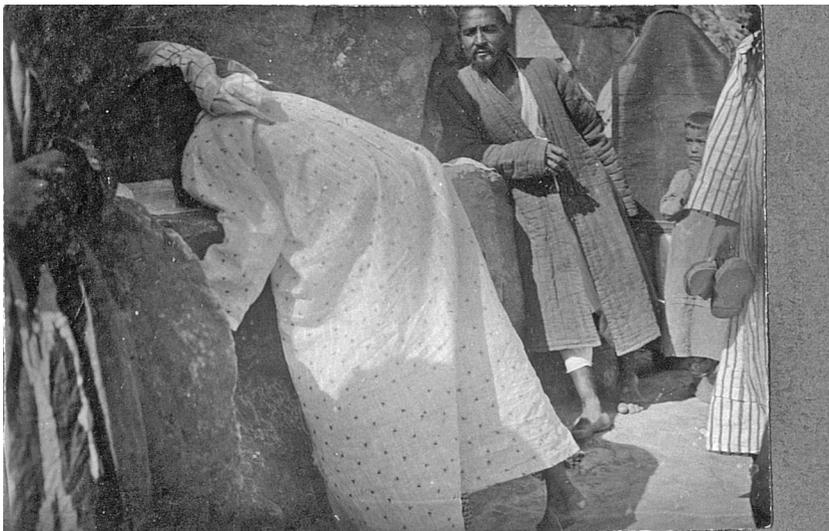

Рис. 11. Паломницы из Кашгара.
МАЭ РАН. Колл. № 3647-17

Вейдана - Кашгарийка (из
Асаке) припадается к
камень, исцеляющему от
бессилия (вейдана)

Рис. 12. На Сулеймановой горе: женщина припадается к камню.
МАЭ РАН. Колл. № 3647-13

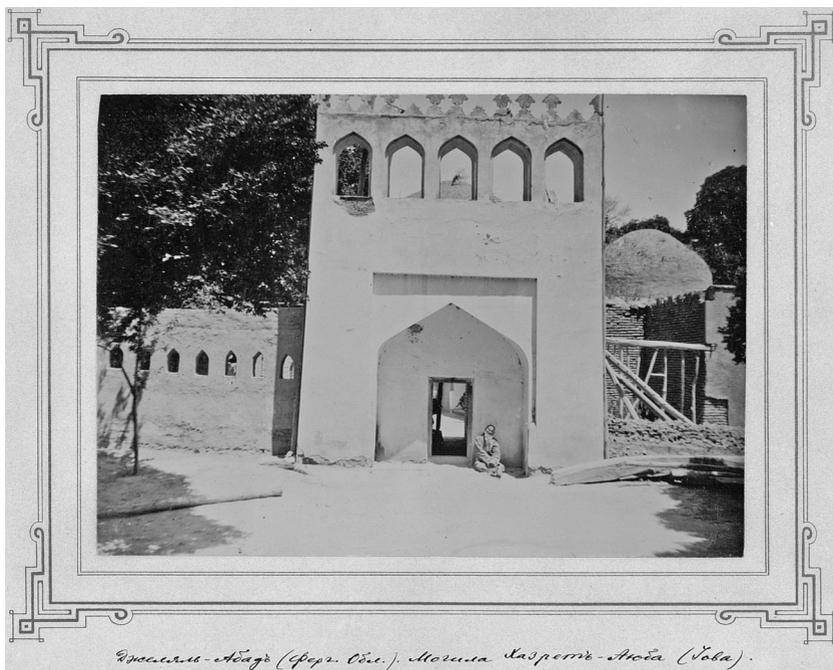

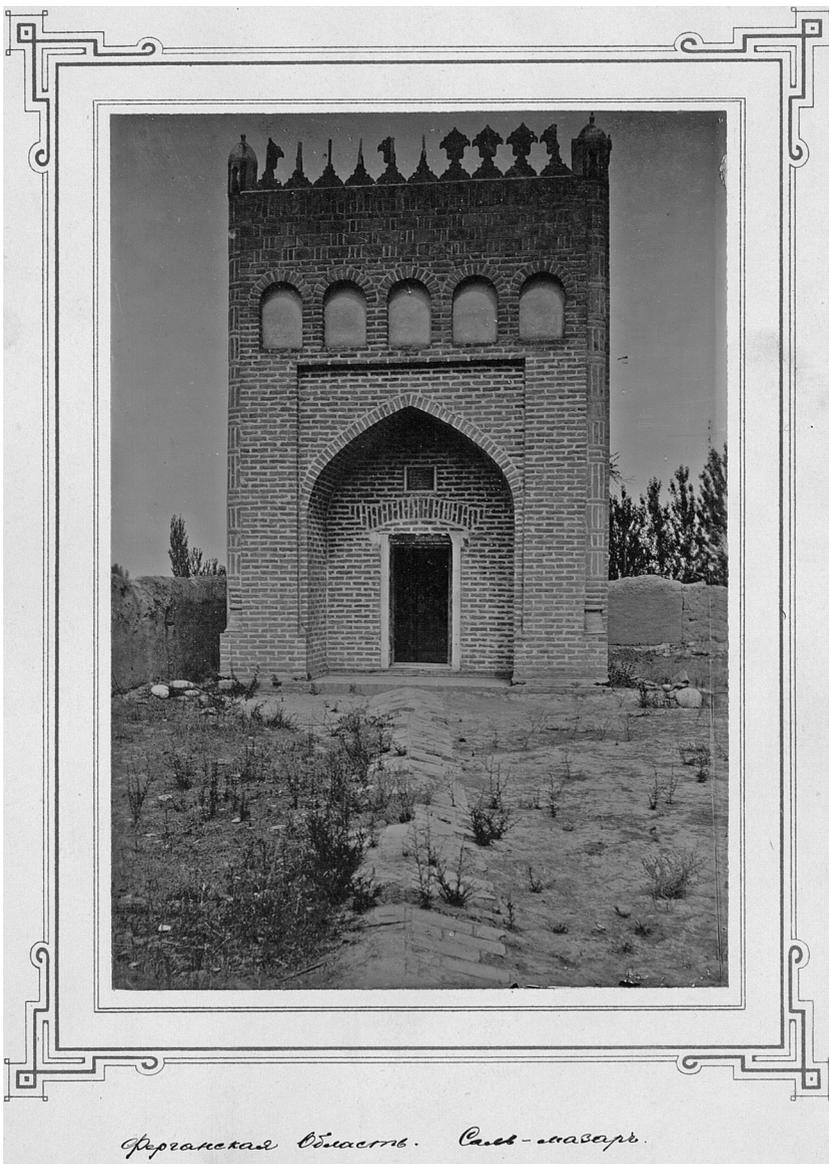
Рис. 13. Джезаль-Абад. Ферганская область.
Могила Хазрет-Аюба (Иова).
МАЭ РАН. Колл. № 512-125

Рис. 14. Купальня для мусульман над серным ключом у Хазрет-Аюба.
МАЭ РАН. Колл. № 512-126

Рис. 15. В саду серных ключей. МАЭ РАН. Колл. № 512-127

Ферганская область. Сель-мазарь.

Рис. 16. Ферганская область. Селение Саль-мазар.
МАЭ РАН. Колл. № 512-132

Ферганская Область. Селение Саль-мазар. Запруда арыка.

Рис. 17. Ферганская обл. Селение Саль-мазар. Запруда арыка.
МАЭ РАН. Колл. № 512-133

На нескольких ранних музейных изображениях фотоальбома 1873 г. «Виды и типы Хивинского ханства» Г. Е. Кривцова показана одна из главных достопримечательностей города — Хазрет-Полван, мечеть и могила *пахлавана* Махмуда (Полвана), который был прославленным силачом своего времени, поэтом, философом и музыкантом и после смерти стал хивинским святым. *Пахлаванами* называли богатырей, которые всегда почитались в народе. Хорезмиец *пахлаван* Махмуд много странствовал, по профессии был скорняком. Он был человеком разносторонних дарований, прославился как автор *руба'и*. *Пахлаван* Махмуд был известным силачом, победителем многих состязаний по национальной борьбе, одерживал победы над соперниками в Афганистане, Индии, Иране, Ираке. Его имя получило широкую известность далеко за пределами Хивинского ханства также благодаря активной деятельности в одном из суфийских братств и способности к целительству (рис. 18).

После смерти Махмуда стали почитать как святого покровителя Хивы, его могила стала местом поклонения верующих. По преданию, он был похоронен в мастерской рядом со своим домом. Его мемориальный комплекс начал оформляться в XVII в. (рис. 19–20).

Фотографии Г. Е. Кривцова стали наиболее ранним документом, зафиксировавшим облик архитектурного ансамбля Пахлаван-Махмуда вскоре после вступления русских войск в Хиву. На снимках группы куполов захоронений, видны пучки воткнутых в землю жезлов, башня, показано высокое здание, внизу лабиринт стен. Без комментариев собирателя, участника Хивинского похода, трудно было бы разобрать, что именно сохранили эти исторические фотокадры.

Г. Е. Кривцов сообщал, что в 1873 г. мечеть святого Полван-Ахмета находилась на главной улице Хивы, которая пролегла от Хозараспских ворот до дворца Атаджан-тюря, брата хана: «Могилою и мечетью Полван-Ахмета как бы заканчивается ряд могил, тянущихся по правой стороне упомянутой улицы»⁴⁶. По описанию собирателя, в то время мечеть была обнесена снаружи глиняной стеной с незатейливым узором в верхней части.

Рис. 18. Мечеть и могила св. Полван-Ахмета. Г. Хива.
МАЭ РАН. Колл. № И-673-10

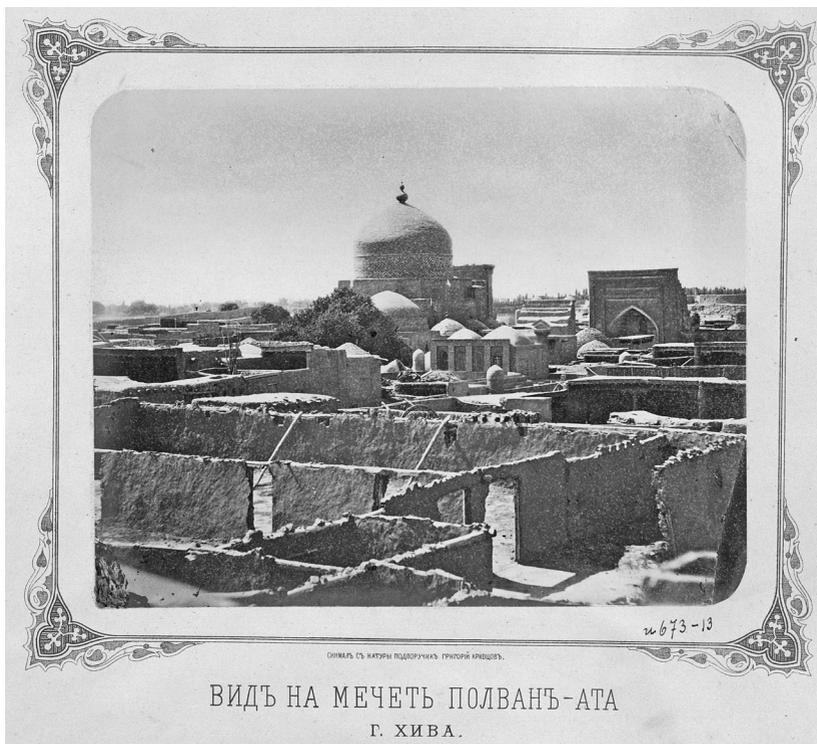

Рис. 19. Вид на мечеть Полван Ата.
МАЭ РАН. Колл. № И-673-13

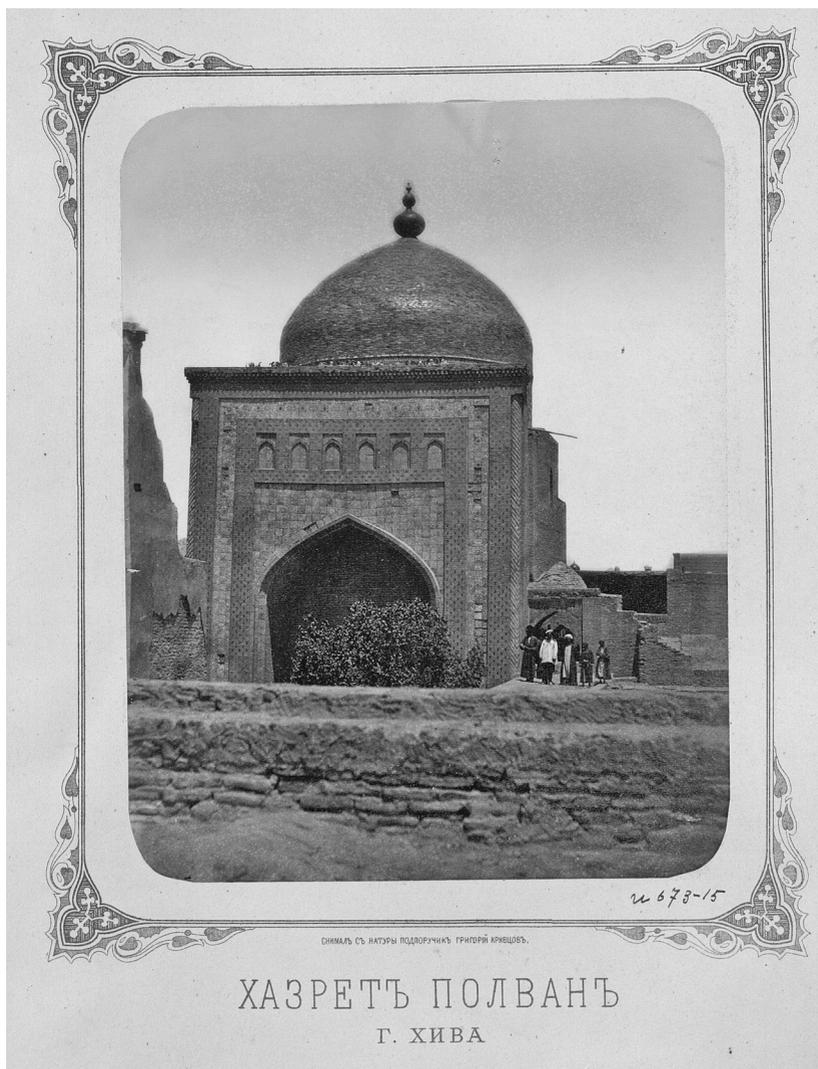

Рис. 20. Хазрат Полван.
МАЭ РАН. Колл. № И-673-15

Минарет мечети был выложен цветными зелеными и голубыми изразцами. Над террасой был устроен навес, а сама мечеть «тонула в густой зелени могучих карагачей». Среди группы могил, сложенных из жженого кирпича, могила святого Полван-Ахмета выделялась пятью древками, водруженными около нее: «Могильный купол окружен черепами козлов с огромными закручивающимися рогами»⁴⁷.

Г. Е. Кривцов сфотографировал панораму *мазара* с крыши ханского *медресе*. Виден зеленый изразцовый купол (*кок гумбез*), где покоится прах святого Полван-Ахмета. Собиратель отмечал, что мечеть «стеснена отовсюду множеством глиняных невзрачных сакель и заборов. Везде глина, серая и накаленная жгучим летним солнцем»⁴⁸.

Усыпальница покровителя Хивы представляла собой, по сведениям Г. Е. Кривцова, прямоугольное здание, украшенное снаружи и внутри разноцветными изразцами: «Зеленый изразцовый купол хазрета с двойной позолоченною маковицей значительно высится над всеми окружающими его зданиями, не исключая и медресе»⁴⁹. Он также оставил описание внутреннего устройства святыни: «Внутри хазрет имеет три отделения: левое отделение, к которому ведет темный и узкий коридор, — весьма мрачная часовня, почти вся занятая чтимою у хивинских мусульман могилою святого Полван-Ата. Могила святого покрыта красною шелковой материей. Свет в часовню проникает сквозь ребристое оконце в крыше часовни».

Мечеть при Хазрет-Полван-Ата открывали только по пятницам, когда собиралась огромная толпа народа. По словам местных жителей, с которыми беседовал Г. Е. Кривцов, усыпальницу охраняли потомки святого, называвшие себя «детьми Полван-Ата»: «Право оберегать могилу их предка переходит преемственно от поколения к поколению. Между потомками святого есть много уродов, которых по пятницам жадные до денег “дети Полван-Ата” выставляют на показ, эксплуатируя религиозное чувство своих одноверцев». Г. Е. Кривцов подчеркивал, что главная святыня Хивы находилась в хорошем состоянии, постоянно «исправно поддерживалась и тщательно ремонтировалась».

В наши дни мемориал Пахлаван-Махмуда считается одним из лучших образцов средневекового зодчества и относится не только к историческим памятникам Узбекистана, но и к местам поклонения верующих.

В Средней Азии существовало многочисленное сословие потомков пророка Мухаммада, его близких и дальних родственников и других святых, которое имело серьезное влияние в обществе, что объясняет существование огромного изобилия *мазаров*⁵⁰.

Несмотря на то что в советское время культ святых и места паломничества в Центральной Азии не изучались по идеологическим причинам, в музее хранится ряд фотографий этого периода, на которых содержатся изображения *мазаров*. В некоторых случаях в кратких аннотациях их названия искажены более поздними регистраторами коллекций. Поэтому трудно определить, о каком имени святого идет речь. Иногда названия святых мест невозможно идентифицировать, вероятно, вследствие локального значения *мазара*.

В качестве примера приведем коллекцию негативов 1927 г.⁵¹ Она комплектовалась среди таджиков Искандеровской области. Музейную опись фотокадров составляла А. Л. Троицкая, известный востоковед-иранист. Однако собирателем коллекции является иранист Г. Г. Гульбин, который работал в составе Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР (1926–1929) под руководством профессора И. И. Зарубина⁵². В 1927 г. Г. Г. Гульбин собирал сведения по материальной культуре, жилищу и ремеслам среди таджикского населения Искандеровской области. Поэтому одна из его фотоколлекций содержит значительное количество изображений, посвященных жилищу, фрагментам усадеб, хозяйственным постройкам, земледелию. В ней отдельно выделена группа фотографий по *мазарам*. *Мазар* Хушво Ходжа, показанный с лицевой стороны, а также слева и справа, по сведениям собирателя, находился по дороге между кишлаками Шурмашк и Канти (рис. 21). В селении Анзоб также находился *мазар*, запечатленный на фотопленке (рис. 22). Г. Г. Гульбин сфотографировал с разных сторон еще одно место поклонения мусульман, гробницу Ходжи ‘Абд ад-Джалиля (рис. 23). К сожалению, найти какие-либо сведения об этих *мазарах*, а также о том, сохранились ли они до настоящего времени, не удалось.

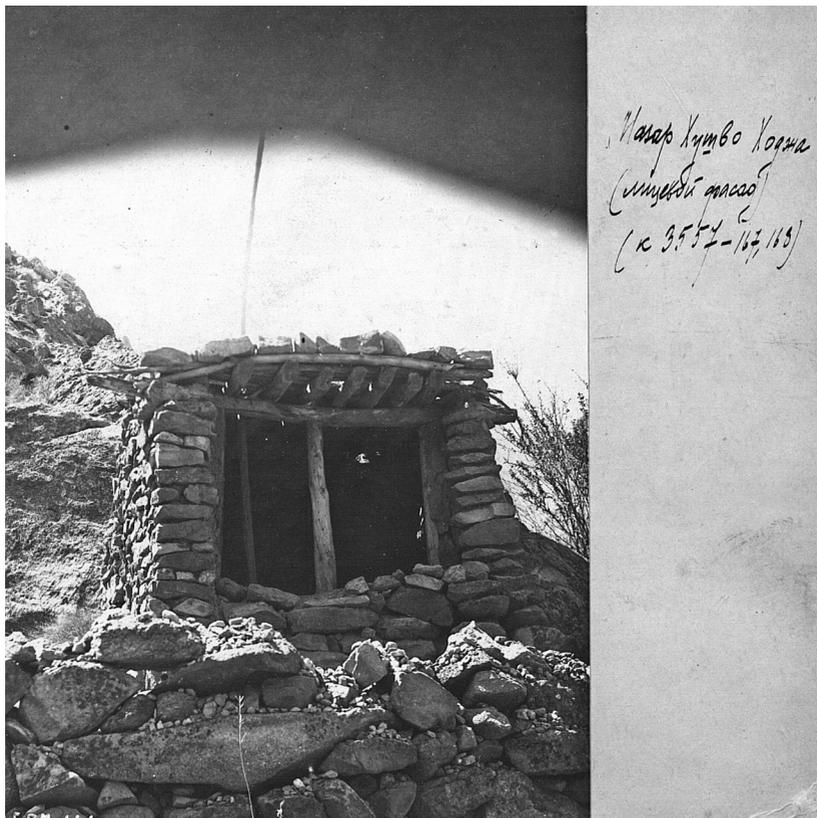

Рис. 21. Мазар Хушво Ходжа.
МАЭ РАН. Колл. № 3557-166

Мазар Романда-Тум (шаровый фасад)

Рис. 22. Мазар в с. Анзоб.
МАЭ РАН. Колл. № 3557-173

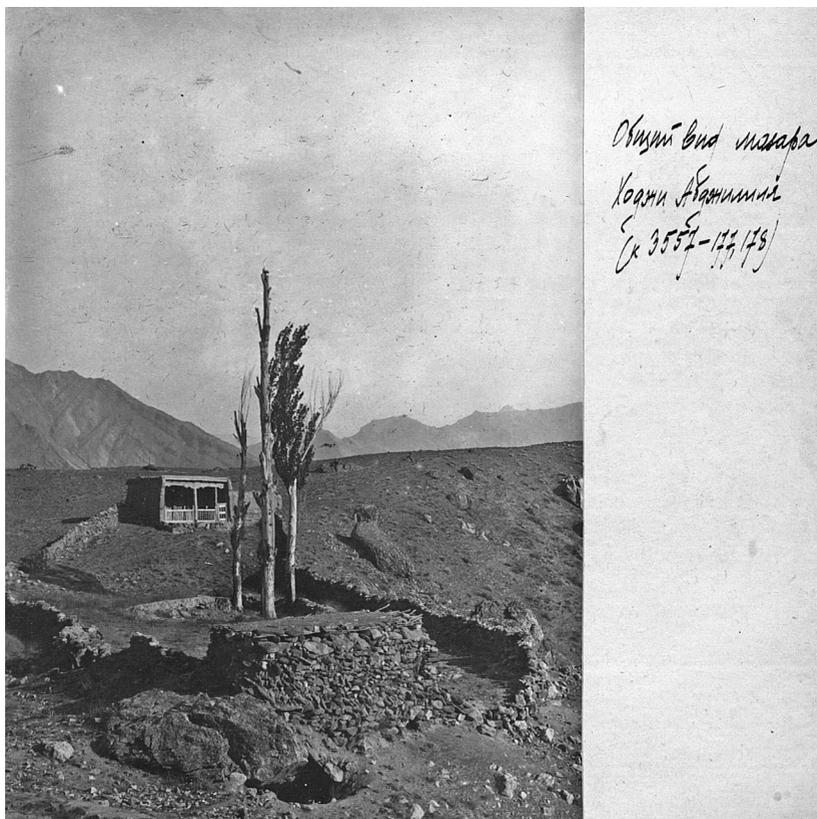

Рис. 23. Мазар Ходжа Абдуджалиль.
МАЭ РАН. Колл. № 3557-176

Одна из ранних фотографий МАЭ, выполненная Н. Нехорошевым в 1871–1872 гг., из тома «Туркестанского альбома», хранящегося в музее, называется «Часть города Ходжента. *Мазар* Хозрети Баба»⁵³. Как было указано в «Предисловии» к изданию, тематически «Туркестанский альбом» был посвящен культуре населения «завоеванной и присоединенной к России Сыр-Дарьинской области и Заравшанского округа». Поэтому территориально Ходжент входил в обозначенные административные рамки. Об этой малоизвестной мусульманской святыне обнаружить какие-либо сведения не удалось. Известно лишь, что старинный *мазар* Хазрети Бобо («Святого Деда») сохранился в Ходженте до настоящего времени. Поблизости от него находится древнейшее кладбище⁵⁴. По всей видимости, после смерти святого его могила стала центром местного кладбища и *мазаром* (рис. 24).

Кроме разделения святых мест на рукотворные и естественного происхождения, *мазары*, расположенные в Таджикистане, разделяются на реальные *мазары* святых и мнимые, то есть символические. К последней категории относится *мазар имама* Зайн ал-‘Абидина⁵⁵. В собрании МАЭ есть изображение общего вида гробницы⁵⁶ (рис. 25). В 1932 г. Д. С. Комиссаров и А. Н. Кондауров, работавшие в составе южной группы отряда ИПИН Таджикско-Памирской комплексной экспедиции в Курган-Тюбинском, Кулябском и других районах Таджикистана, передали в МАЭ коллекцию негативов. На переднем плане снимка внешний вид *мазара* — шесть глинобитных столбов и развалины, по определению регистратора коллекции, «неизвестного происхождения». *Мазар* находился в Хатлонской области, Джиликульского района. В настоящее время неизвестно, сохранилось ли это место поклонения.

В 1926 г. участники Среднеазиатской этнологической экспедиции сфотографировали *мазар* Кайнар, находившийся в Пенджикентском районе Ленинабадской области Таджикистана. Он представлял собой глинобитный холм с *тугом*. Обычно паломники приходили сюда с приношениями, чтобы оставить их на *мазаре*, как показано на снимке. Посредине груды сакральных предметов, сложенных камней с рогами барана была устроена ниша

для свечей. К этому месту поклонения верующие могли направляться издалека. Поэтому для их отдыха при *мазаре* в 1920-е годы предусмотрительно было устроено одноэтажное сооружение, на *айване* которого, как показано на фотокадре, можно было расположиться для чаепития⁵⁷ (рис. 26–29). По всей видимости, этот *мазар* относится также к категории мест поклонения с мнимыми могилами. На территории Центральной Азии кроме этого памятника известны и другие посвященные культуре Зу ал-Карнайна, праведника, имя которого упоминалось в Коране. Например, верующие почитали одну из святынь Маргилана — *мазар* Подшо Искандар Зу ал-Карнайн (в местном произношении Зулькайнар), который считался местом погребения Александра Македонского, хотя он никогда в Фергане не был⁵⁸.

Исторические фотографии конца XIX — первой половины XX в. зафиксировали старинные памятники центральноазиатской исламской культуры, многие из которых не сохранились до настоящего времени. О некоторых из них невозможно найти даже какие-либо сведения, поэтому в статье была использована лишь часть фотоколлекционных материалов.

Изучение духовной жизни центральноазиатских народов, культа святых, истории его становления в региональном исламе, поклонения ему верующих чрезвычайно важно для понимания особенностей процесса формирования регионального мусульманского вероучения. Большую помощь в этом могут оказать такие малоизученные источники, как музейные собрания. Фотографии мусульманских мест поклонения, которые нашли отражение в старинных коллекциях музея, могли бы послужить в дальнейшем своего рода картой для определения маршрута экспедиции по изучению данного вопроса.

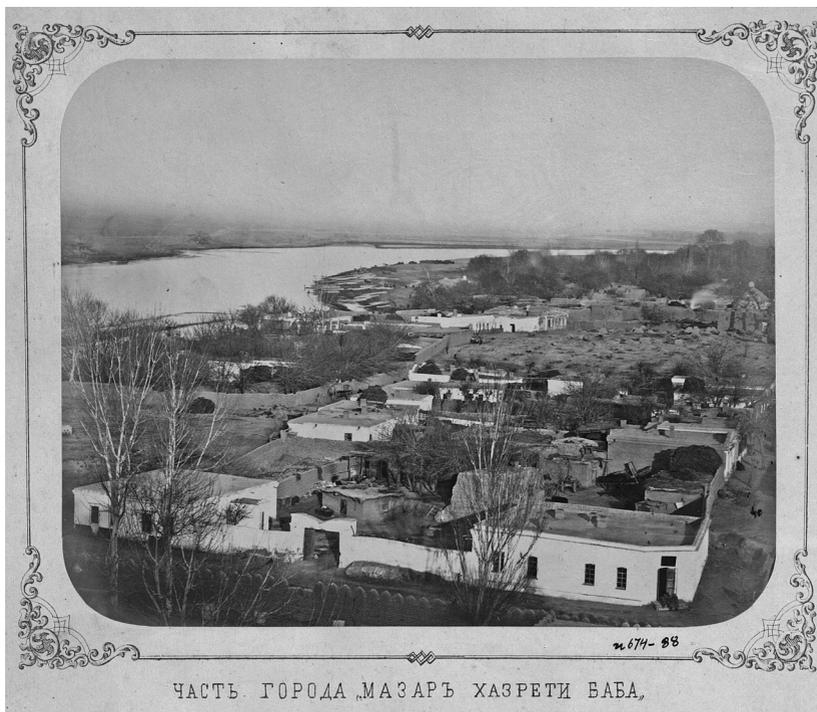
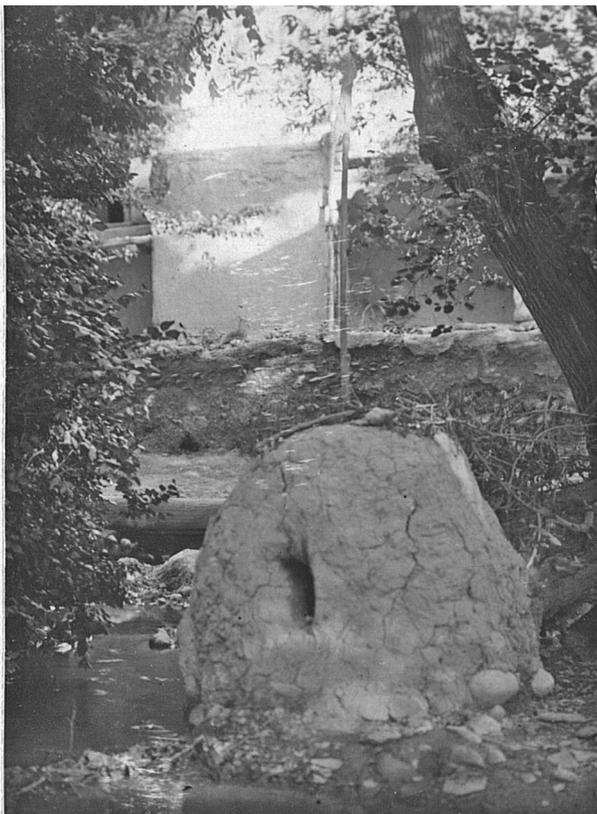

Рис. 24. Часть города Ходжента. Мазар Хозрети Баба.
МАЭ РАН. Колл. № И-674-88

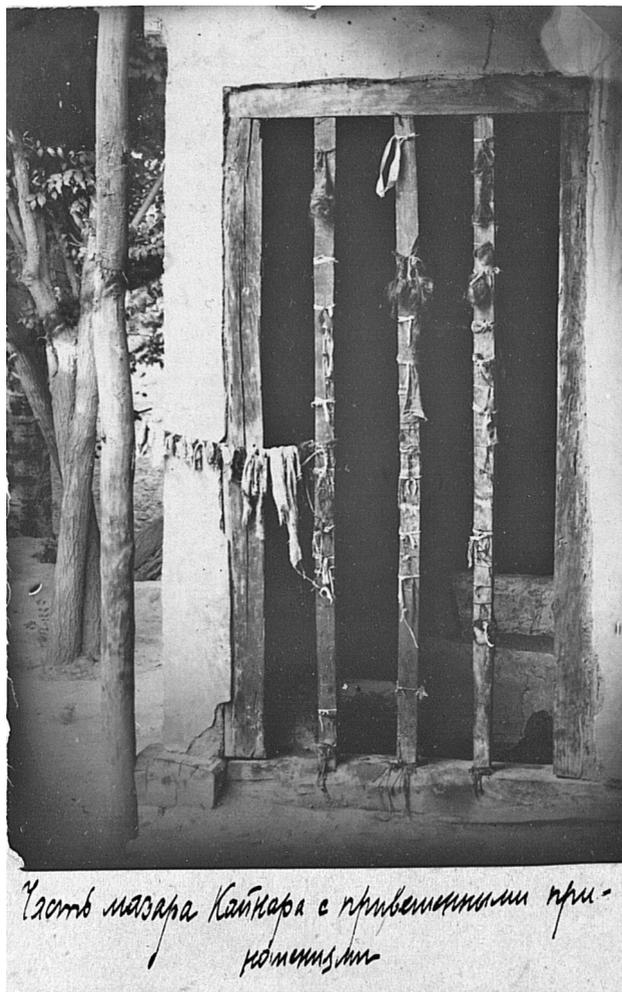
Гробница имама Зейнабудина -
вблизи сел. Обиши. Вид ..
На преднем плане видны
могилы сестры и
развалины минарета, происшедшие.

Рис. 25. Гробница имама Зейнабудина.
МАЭ РАН. Колл. № И-73-123

Мазар Кайнар.
Ташкентский хан с „тузом“ (шест с фланжком) и отверстием для света

Рис. 26. Мазар Кайнар.
МАЭ РАН. Колл. № 3489-37

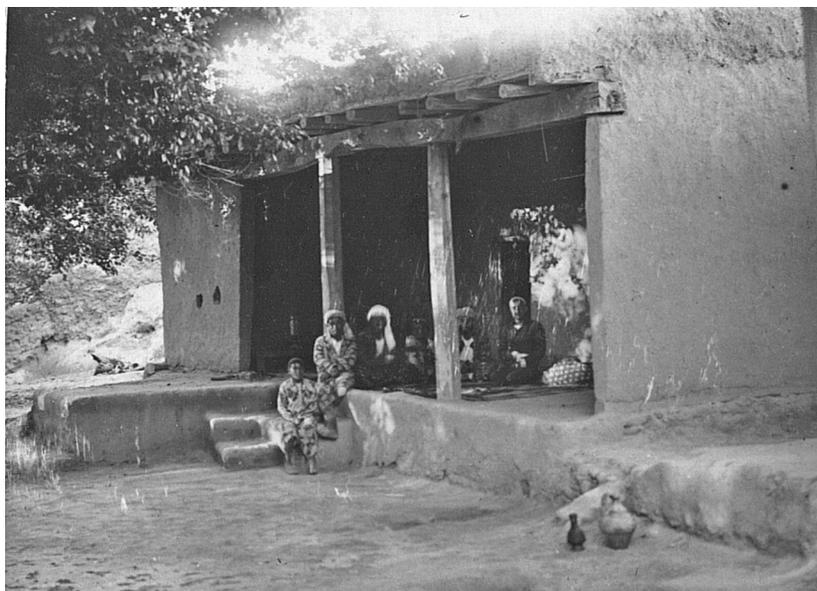
*Часть мазара Кайнара с приветственным при-
комением*

Рис. 27. Часть мазара Кайнар.
МАЭ РАН. Колл. № 3489-38

*На мазаре Кайнар
Группа камней с бараньими рогами, посредине ниша для свечей*

Рис. 28. На мазаре Кайнар.
МАЭ РАН. Колл. № 3489-39

Група таджикова за чаепитием на Кайнар-мазарѣ

Рис. 29. Група таджиков за чаепитием на Кайнар-мазарѣ.
МАЭ РАН. Колл. № 3489-40

¹ МАЭ РАН. Колл. № 779-2аб; 2352-14; 2674-177, 183аб, 202, 203; 2677-4, 6; 2352-12, 13, 243; 3337-79а-д; 3422-26; 4210-1; 4800-1-5; 5097-8-11; 6017-7аб-12; 6138-3, 6(2); 6176-2аб, 4-6; 6203-5аб.

² Существует широкая библиография, посвященная комплексу Шахи Зинде, множество исследователей занимались его изучением. Не перечисляя их, приведем лишь основные работы: *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана. М., 1965; *Пугаченкова Г. А.* Шедевры Средней Азии. Ташкент, 1986.

³ МАЭ РАН. Колл. № 1966.

⁴ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. № 102. Л. 3 об.

⁵ Там же. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 41 об.

⁶ Там же. Л. 38 об.

⁷ Статья без автора и без названия // Русский Туркестан. 11 сентября 1900 г.

⁸ МАХ. Колл. № Ж-2249.

⁹ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 10.

¹⁰ *Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Записки Вост. Отд. Русск. Археолог. о-ва. Т. XXV. 1921. С. 351.*

¹¹ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 4-4 об.

¹² Там же. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 96.

¹⁴ Там же. Л. 89.

¹⁵ Там же. Л. 91.

¹⁶ Там же. Л. 96.

¹⁷ *Рахимов Р. Р.* Одинокий мазар в теснине гор // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. СПб., 2009. Вып. II. С. 202-204.

¹⁸ МАЭ РАН. Колл. И-58.

¹⁹ МАЭ РАН. Колл. № И-58-199, 200, 201, 204, 206.

²⁰ МАЭ РАН. Колл. № И-1179-82.

²¹ *Кисляков Н. А.* Бурх — горный козел // Советская этнография. 1934. № 1-2.

²² Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. I. С. 291-292, 300-301.

²³ *Рахимов Р. Р.* Мифология Бурха: не таит ли она историю вне времени? // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 2. С. 228-280; *он же.* Одинокий мазар в теснине гор // Там же. С. 180-227.

²⁴ Таджики Каратегина и Дарваза. С. 89.

²⁵ *Кисляков Н. А.* Указ. соч. С. 182.

- ²⁶ Сазонов В. А. Мавзолей Хазрати-Бурх (<http://www.strannik.de/travel/burx.htm>).
- ²⁷ Рахимов Р. Р. Одинокий мазар в теснине гор. С. 183.
- ²⁸ Сазонов В. А. Указ. соч.
- ²⁹ Рахимов Р. Р. Одинокий мазар в теснине гор. С. 180.
- ³⁰ Семенов А. А. К прошлому Бухары // Садриддин Айни. Воспоминания. М.; Л., 1960. С. 1006.
- ³¹ Пославский П. Бухара // Военный сборник. СПб., 1891. Т. 202. № 11.
- ³² Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в. М., 1966. С. 85–86.
- ³³ МАЭ РАН. Колл. № 255-173.
- ³⁴ Шубинский П. Очерки Бухары. СПб., 1892. С. 95.
- ³⁵ Там же. С. 95.
- ³⁶ Семенов А. А. Бухарский шейх Баха уд дин // Сборник, посвященный А. Н. Веселовскому. СПб., 1914. С. 203.
- ³⁷ Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 1998. Вып. 1. С. 78–80.
- ³⁸ Семенов А. А. Бухарский шейх. С. 203.
- ³⁹ МАЭ РАН. Колл. № 2808-25.
- ⁴⁰ Аверьянов Ю. А., Башарин П. В. Мазар Баха' ад-Дина вчера и сегодня // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. II. С. 281–322.
- ⁴¹ Там же. С. 294–308.
- ⁴² Там же. С. 294.
- ⁴³ МАЭ РАН. Колл. 3647.
- ⁴⁴ Огудин В. Л. Трон Соломона. История формирования культа // Подвижники ислама. М., 2003. С. 82 (Тропа паломников на подходе к «Белому домику»).
- ⁴⁵ МАЭ РАН. Колл. 512.
- ⁴⁶ МАЭ. Колл. И-673-10.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Колл. И-673-13.
- ⁴⁹ Там же. Колл. И-673-15.
- ⁵⁰ Абашиин С. Н. Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 63–64.
- ⁵¹ МАЭ РАН. Колл. 3557, 248 ед. хр.
- ⁵² Прищепова В. А. К этнографии народов Средней Азии и Казахстана: материалы Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926–1929 гг. (по архивным данным) // Этническая и этносоциальная

история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995. С. 186–249.

⁵³ МАЭ РАН. Колл. № И-674-88.

⁵⁴ К истории феодального Ходжента (<http://www.tajik-gateway.org/index.phtml?lang=ru&id=2365>).

⁵⁵ Юсефи Джоландан Мансур. Мазары Хорасана и Мавераннахра эпохи Тимуридов (XIV-XV вв.) (<http://rudocs.exdat.com/docs/index-181044.html>).

⁵⁶ МАЭ РАН. Колл. № И-73-123.

⁵⁷ МАЭ РАН. Колл. № 3489-39.

⁵⁸ <http://waylog.ru/margilan-gorod-shelka.html>.